

Сказка Туве Янссон

" Муми-папа и море "

Глава четвертая - Северно-восточный ветер

Ветер поднялся перед самым восходом. Это был отвратительный упрямый восточный ветер. Семья проснулась около восьми часов; к этому времени ветер пригнал с востока дождевые тучи, и потоки дождя заливали маяк.

– Теперь у нас будет вода, – сказала Муми-мама. – Слава Богу, я нашла этот бочонок и вымыла его! – Она положила поленья в печку и подожгла их.

Муми-тролль был еще в постели. Он ни с кем не хотел разговаривать. На потолке появилось влажное пятно, и капля воды в центре его все увеличивалась. Потом она упала на стол, а на ее месте стала тут же расти другая.

Малышка Мю прошмыгнула в дверь.

– Неподходящая погода для лифта, – сказала она, выжимая воду из волос. – Его сдувает со стены маяка.

Они слышали, как снаружи воет ветер, дверь захлопнулась с громким стуком.

– Кофе готов? – спросила Малышка Мю. – От такой погоды у меня появляется волчий аппетит. Волны катятся прямо в черное озеро, а мыс старого рыболова превратился в остров! Его самого вывернуло ветром наизнанку, и он лежит под своей лодкой, считая дождевые капли.

– Сети! – воскликнул Муми-папа, выпрыгивая из кровати. – Там же сети. – Он подошел к окну, но не увидел и следа поплавка.

Восточный ветер сдул его прямо к мысу. Каторжная работа – вытягивать сети при боковом ветре. А тут еще и дождь.

– Пусть остаются там, где есть, – решил Муми-папа. – Больше рыбы попадетсЯ, только и всего. После завтрака я схожу наверх и взгляну, как бурЯ выглядит оттуда. Она выдохнется к вечеру, вот увидите.

* * *

Сверху бурЯ выглядела точно так же. Муми-папа стоял, разглядывая лампу, откручивал гайки и закручивал их опять, открывал и закрывал дверцу. Это было бесполезно: он все еще не знал, как она работает. Как непредусмотрительно – не оставить надлежащих инструкций в таком маяке, как этот. Просто непростительно.

Муми-папа сел на один из газовых баллонов и прислонился к стене. Дождь стучал в окна, хлещА и стегая оконные стекла с каждым порывом ветра. Зеленое стекло было разбито. На полу под ним образовалось маленькое озеро. Муми-папа рассеяннО глядел на него и представлял, что это дельта с маленькими извилистыми речками, и его взгляд блуждал по стене. На ней карандашом были написаны стихи. Муми-папа нагнулся ближе и прочитал:

В огромном море пустота
И лишь луна сияет.
Уже четыре года здесь
Никто не проплывает.

"Должно быть, это написал смотритель маяка, – решил Муми-папа. – Однажды, когда он чувствовал себя несчастным, это пришло ему в голову. Только представьте – поддерживать огонь для кораблей, которые никогда не проходят мимо". Выше была надпись повеселее:

Ветер с востока и насмешки старой карги –
То и другое, как правило, заканчивается слезами.

Муми-папа пошел вдоль стен, ища записи смотрителя маяка. Здесь было много заметок о силе ветра. Оказывается, самый сильный шторм принес юго-западный ветер, сила – десять баллов. В другом месте смотритель маяка записал еще стихи, но они были зачеркнуты черными линиями. Там говорилось о птицах – единственное, что Муми-папа смог разобрать.

"Надо разузнать о нем побольше, – думал Муми-папа. – Как только распогодится, я найду рыболова. Они должны были знать друг друга, ведь они жили на одном острове. А теперь я закрою люк и больше сюда не приду. Это слишком угнетающе".

Он спустился по лестнице и объявил:

– Шторм движется к северо-востоку. Возможно, он скоро утихнет. Кстати, надо как-нибудь пригласить рыболова на кофе.

– Спорим, он не пьет кофе, – сказала Малышка Мю. – Я уверена, что он ест только водоросли и сырую рыбу. Наверное, еще всасывает планктон через передние зубы.

– Что ты говоришь?! – воскликнула Муми-мама. – Какие у него странные вкусы!

– Судя по его виду, он ничего другого не ест. Меня бы это нисколько не удивило. Но он знает, чего хочет, и никогда не задает вопросов, – сказала Малышка Мю с уважением.

– И он ничего тебе не рассказывал? – спросил Муми-папа.

– Абсолютно, – ответила Малышка Мю. И с этими словами она забралась на камин и свернулась у теплой стены, чтобы переспать дождь.

– Все равно, ведь он в конце концов наш сосед, – неуверенно сказала Муми-мама. – Я имею в виду – нужно же иметь соседей. – Она вздохнула и добавила: – Кажется, крыша протекает.

– Я почию ее, – заверил ее Муми-папа. – Со временем, когда выдастся свободная минута. – Но он думал: "Надеюсь, погода исправится. Я не хочу идти наверх. Слишком многое там напоминает о смотрителе маяка".

* * *

Длинный дождливый день подходил к концу, и ветер утих настолько, что Муми-папа решил вытащить сети.

– Теперь вы увидите, что я знаю о море все, – говорил он, очень довольный собой. – Мы вернемся к вечернему чаю и принесем самую большую рыбу. Остальную мы выпустим в море.

Остров промок насквозь. Он казался поникшим и вылинявшим от дождя. Море поднялось так высоко, что на берегу почти ничего не было видно, а лодка перекачивалась с боку на бок – ее руль был в воде.

– Мы должны оттащить ее к ольховым кустам, – сказал Муми-папа. – Теперь ты видишь, на что способно море осенью. Если бы я подождал с сетями до завтра, мы бы остались без лодки. Трудно перестраховаться, когда имеешь дело с морем. Интересно, почему море подымается и опускается таким образом. Здесь должна быть причина...

Муми-тролль огляделся. Берег совершенно изменился. Вздувшееся море катило свои волны устало и угрюмо и выбросило на берег кучи водорослей. "Здесь не осталось пляжей для морских лошадей. Что если им нравятся только песчаные берега, и они не захотят возвращаться сюда?! Что если они испугались Морры?.." – думал Муми-тролль. Он взглянул украдкой в сторону маленьких островков у берега, но они исчезли в мелком дожде.

– Смотри, куда гребешь! – закричал Муми-папа. – Ищи поплавок и остерегайся волн, а не то нас прибьет к берегу!

Муми-тролль потянул левое весло на себя изо всех сил. "Приключение" все время разворачивало подветренной стороной и подбрасывало на волнах.

– Отгребай! Отгребай! – кричал Муми-папа со своего места у руля. – Поворачивай! Назад! Назад! – Он навалился животом на руль и пытался дотянуться до поплавка. – Нет, нет, нет, нет! Сюда! Я имею в виду туда. Вот он. Я поймал его. Теперь гребь прямо.

Муми-папа ухватил сеть и начал втягивать ее в лодку. Дождь бил по лицу, сеть была очень тяжелой.

"Нам никогда не съесть всю эту рыбу, – подумал он, слегка растерявшись при мысли о таком большом улове. – Вот это работа! Но когда у тебя семья..."

Работая веслами, как одержимый, Муми-тролль увидел, как что-то темное подымается из воды с сетями – водоросли! Сеть была набита тоннами водорослей!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Муми–папа ничего не сказал. Он оставил попытки вытащить сеть аккуратно и, лежа на борту лодки, втягивал ее лапами как попало. Охалка за охалкой толстые желто–коричневые водоросли переваливались через борт лодки, но ни одной рыбы не было. Во всех трех сетях то же самое – одни водоросли. Муми–тролль повернулся и позволил лодке плыть в сторону берега, в то время как правое весло оставалось неподвижным, и в несколько мгновений "Приключение" развернуло носом к острову. Следующая волна ударила лодку в борт, и она накренилась. Муми–папа мгновенно вернулся к жизни.

- Прыгай и хватайся за нос лодки, – закричал он. – Держись крепко!

Муми–тролль стоял по пояс в воде, держась за "Приключение", и волна за волной окатывали его с головой. Вода была до боли холодной. Муми–папа усиленно пытался вытянуть сети на берег. Его шляпа сползла на глаза, весла вывалились на песок и путались в сетях и в лапах – все было как нельзя хуже. Когда они наконец оттащили "Приключение" в безопасное место, с моря пришла очередная полоса дождя, и темнота скрыла все. Наступала ночь.

- Что ж, мы неплохо справились, – сказал Муми–тролль, осторожно поглядывая на отца.
- Ты думаешь? – с сомнением спросил Муми–папа. Он посмотрел на огромную кучу сетей и водорослей и решил, что Муми–тролль прав.

– Да, справились, – сказал он. – Битва с океаном – вот что это было.

* * *

Когда Малышка Мю услышала рассказ об их приключении, она положила недоеденный бутерброд на стол и сказала:

- Отлично! Вам обоим предстоит развлечение. На распутывание сетей уйдет три–четыре дня. Эти водоросли пристаю, как черти.
- В самом деле? – начал Муми–папа.
- У нас много времени, – быстро сказала Муми–мама. – В хорошую погоду эта работа может быть даже приятной...
- Рыболов может съесть все это дочиста, – предложила Малышка Мю. – Ему нравятся водоросли.

Муми–папа сник. Эти водоросли сразу после истории с лампой! Как несправедливо! Трудисься, трудисься, и ничего не получается. Все будто ускользало сквозь пальцы. Мумипапины мысли разбредались, и он мешал и мешал свой чай, хотя сахар уже давно растворился. Посередине стола стоял самый маленький соусник. Время от времени с потолка с всплеском падала капля. Муми–тролль сидел, уставившись в календарь, бессознательно завязывая узелки на хвосте.

- Давайте зажжем фонарь! – сказала Муми–мама весело. – Сегодня штормит, так что мы можем повесить его на окно!
- Нет, нет! Только не на окно, – закричал Муми–тролль, вскакивая.

Муми–мама вздохнула. Этого она и боялась. Дождливая погода заставляла их вести себя странно, как будто дождь застал их в середине путешествия. А ведь им предстоит еще много дождливых дней. Там, в Муми–долине, всегда находилось занятие в доме, но здесь... Муми–мама встала, подошла к тумбочке и открыла верхний ящик.

- Я заглянула сегодня сюда, – сказала она. – Ящик почти пуст. И вы представить не можете, что я нашла! Головоломку–зигзаг. Здесь не меньше тысячи маленьких кусочков, и никто не сможет сказать, что здесь изображено, пока все они не будут сложены. Здорово, правда?

Муми–мама высыпала кусочки на стол между чашками в огромную кучу. Все смотрели на нее с неодобрением.

Муми–тролль перевернул один из кусочков. Совсем черный. Черный, как Морра. Или тени в чаще. Или зрачки морской лошади. Или миллионы других вещей. Это могло быть что угодно. И ты не знаешь что, пока не соберешь головоломку.

* * *

Этой ночью Морра пела в море. Никто не пришел на берег с фонарем. Она ждала и ждала, но никого не было.

Она начала мягко, но постепенно ее песнь одиночества становилась все громче и громче. Она больше не была грустной, она теперь была вызывающей: "Нет на свете другой Морры. Я одна–единственная. Я самая холодная в мире. Я никогда, никогда не согреюсь".

- Это тюлени, – пробормотал Муми–папа в подушку.

Муми–тролль натянул одеяло на голову. Он знал, что Морра сидит и ждет фонаря. Но он не даст совести упрекать себя. Морра может выть, сколько хочет. Его это не волнует. Ни чуточки. И кроме того, Муми–мама сказала, что у них уходит слишком много керосина. Вот так.

* * *

Дни шли, а вода все прибывала, и упрямый восточный ветер все дул. Волны били по острову с непрерывным гипнотизирующим ревом. Маленький домик рыболова полностью отрезало, но, по словам Малышки Мю, рыболов был очень рад, что его оставили в покое. Дождь прекратился, и семья сошла на берег, чтобы оглядеться.

- Как много водорослей! – воскликнула Муми–мама. – Теперь я могу разбить настоящий большой сад. – Она пересекла скалу и вдруг остановилась. Ее сад исчез, исчез полностью, бесследно. Его смыло море.
- Что ж, он был слишком близко к воде, – решила Муми–мама. Она очень расстроилась. – Для нового сада придется носить водоросли намного выше...

Она долго смотрела на затопленный берег, который шипящими белыми полукругами омывали волны. Они добирались до лодки, прижатой к ольховым кустам, били ее в бок, так что она в возмущении подпрыгивала. Муми–папа стоял в воде и искал свой волнорез. Он шел то в одну сторону, то в другую, вода уже доходила ему до пояса. Он повернулся и прокричал что–то.

- Что он говорит? – спросила Муми–мама.
- Волнореза нет, – сказал Муми–тролль. – Все камни смыты.

Это было серьезно. Муми–мама заторопилась по мокрому песку и зашла в воду, чтобы показать, как она сочувствует. В такие минуты это лучше, чем слова.

Муми–мама и Муми–папа стояли рядом в воде и мерзли. Она думала: "Это его море в самом деле недоброе..."

- Идем–ка на берег, – рассеянно сказал Муми–папа. – Наверное, эти камни были не такие большие, как я думал.

Бросив все, они направились мимо лодки и ольшаника к маяку. Там Муми–папа остановился и сказал:

- Нет смысла прокладывать здесь дорожку. Я попробовал. Эти злосчастные камни слишком большие. Смотритель маяка давно бы сделал это, если бы мог, да и пристань тоже.
- Наверное, не надо что–то менять на острове слишком сильно, – сказала Муми–мама. – Просто оставь все как есть. Дома было как–то легче... Но я попытаюсь разбить новый сад – выше.

Муми–папа ничего не ответил.

- И в самом маяке хватает работы, – продолжала Муми–мама. – Можно сделать много маленьких полочек и хорошую мебель! Правда ведь? И починить эту ужасную лестницу... и крышу...

"Я не хочу ничего чинить, – подумал Муми–папа. – Я не хочу собирать водоросли... Я хочу строить большие вещи, прочные вещи, я так этого хочу... Но я не знаю... Так трудно быть отцом!"

Они направились к маяку. Муми–тролль наблюдал, как они исчезали за холмом, их хвосты были опущены.

Над маяком появилась изломанная радуга со всеми ее прозрачными цветами. Глядя на нее, он заметил, что цвета бледнеют, и вдруг понял: для него очень важно попасть на свою поляну до того, как радуга окончательно исчезнет. Он ринулся к чаще, упал на живот и пополз внутрь.

Поляна принадлежала ему и была так же красива в облачную погоду. Между деревьями сверкала посеребренная каплями воды паутина. Стояла тишина, хотя над островом дул ветер. Муравьев не было. Ни единого. Но, может быть, они просто спрятались от дождя. Муми–тролль начал нетерпеливо разрывать торф обеими лапами. И опять – запах керосина. Тут они и были, тысячи муравьев, но все мертвые, абсолютно все. Они задохнулись. Кошмар из кошмаров! Произошло ужасное побоище, и ни один муравей не уцелел! Они утонули в керосине.

Муми–тролль поднялся и внезапно до него дошло: "Это я виноват. Как же я не догадался. Малышка Мю не из тех, кто пытается кого–то убеждать. Она действует сразу по настроению или не действует вообще. Что мне делать? Что мне делать?"

Муми–тролль сидел на своей собственной поляне – его навсегда, – раскачиваясь взад и вперед, запах керосина окутывал его. Запах преследовал его всю дорогу домой, и Муми–тролль был уверен, что никогда от него не избавится.

* * *

– Но ведь муравьи – как москиты, – сказала Малышка Мю. – От них надо избавляться! Кроме того, ты прекрасно знал, что я собираюсь с ними сделать. Ты просто надеялся, что я не скажу тебе об этом. Ты хорошо умеешь обманывать себя!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ответа не последовало.

В этот вечер Малышка Мю заметила, как Муми-тролль крадется через вересковое поле, явно пытаясь остаться незамеченным. Она, конечно же, последовала за ним и увидела, что он рассыпал сахар по краю леса, а потом исчез в чаще с жестяной в лапах.

"Ну вот! – подумала Малышка Мю. – Теперь он пытается облегчить свою совесть. Я могла бы сказать ему, что муравьи не едят сахар, и что он все равно растает, потому что земля влажная. И что любому муравью, до которого я не добралась, все это совершенно безразлично, и он не нуждается в утешении. Но зачем суетиться".

* * *

В следующие два дня Муми-мама и Муми-тролль занимались только тем, что вынимали водоросли из сетей.

* * *

Потом опять пошел дождь. Влажное пятно на потолке все увеличивалось. Капли падали – "плип, плип, плип" – в маленький соусник и – "плюп, плюп, плюп" – в большой. Муми-папа сидел в ламповой комнате и с отвращением рассматривал разбитое окно. Чем больше он смотрел на это несчастное окно и чем больше он думал о нем, тем меньше мыслей оставалось у него в голове. Нужно забить окно снаружи или затянуть мешковиной изнутри. Так посоветовала Муми-мама.

Муми-папа чувствовал, что устал, и в конце концов улегся на пол. Зеленое стекло в окне превратилось в красивый изумруд. Муми-папе сразу стало лучше. А немного погодя ему пришла в голову идея, его собственная идея. "Если взять широкую полосу мешковины, намазать клеем, а потом расколоть зеленое стекло на много-много маленьких изумрудов и вдавить их в клей... – Муми-папа поднялся. – Какая интересная мысль! – восхитился он. – Между изумрудами можно насыпать белого песка до того, как клей высохнет. Нет, лучше риса. Да, точно – тысячи крошечных белых зерен риса, как тысячи жемчужин".

Муми-папа встал, взял молоток и пошел к разбитому окну. Он начал очень осторожно вынимать стекло. Большой кусок упал на пол и разбился. Муми-папа собрал горсть маленьких осколков и с бесконечным терпением начал обрабатывать их в красивые ровные кусочки.

* * *

Муми-папа спустился через люк после обеда, когда пояс был готов. – Я померил его, – сказал он, – а потом убрал большой кусок. Так что он должен прийтись тебе впору. Муми-мама надела пояс через голову, и он очутился на талии, как раз там, где надо. – Потрясающе! – сказала Муми-мама. – Это самый красивый подарок, какой я получала в своей жизни! Она была так счастлива, что внезапно сделалась серьезной. – Мы не могли понять, зачем тебе понадобился рис! – воскликнул Муми-тролль. – Он разбухает, когда намокает... так что мы думали, ты используешь его, чтобы как-нибудь починить окно... – Фантастика, – сказала Малышка Мю с невольным восхищением. – С трудом верится. – Она переставила корыто так, что капли, падающие с потолка, не говорили "плип", "плюп" или "плап", и добавила: – Что ж, скажем "прощай" рисовому пудингу. – У меня широкая талия, – сказала Муми-мама укоризненно. – И мы вполне можем есть овсянку. Предложение было встречено гробовым молчанием. Муми-папа слышал, как капли падают с потолка, отстукивая мелодию из трех нот вместо двух, написанную специально для него. Ему это не нравилось. – Дорогой, если бы я должна была выбирать между украшением и рисовым пудингом, – начала Муми-мама, но Муми-папа прервал ее: – Сколько пищи съедено? – Порядочно, – сказала Муми-мама взволнованно. – Ты же знаешь, что такое морской воздух... – Что-нибудь осталось? – продолжал Муми-папа. Муми-мама сделала неопределенный жест, означавший, что, кроме овсянки, осталось немного, но это в конце концов не так уж и важно.

Тогда Муми-папа сделал единственно возможное в такой ситуации: взял удочку, натянул шляпу зрителя маяка и в гордом молчании выбрал свое самое красивое грузило. – Я иду на рыбалку, – сказал он спокойно. – Как раз подходящая погода для щуки.

* * *

Северо-восточный ветер утих, но вода все еще стояла очень высоко. Моросил дождь, скалы и море были одинакового серого цвета и выглядели очень печальными. Муми-папа просидел у черного озера целый час. Ни одна рыба не клюнула. "Нечего говорить о щуке, пока не поймаете ее", – думал он.

Как и большинство пап определенного типа, Муми-папа любил рыбалку. Свою удочку он получил в подарок на день рождения пару лет назад, и это была очень хорошая удочка. Но иногда она стояла в углу с укоризненным видом, будто напоминая, что предназначена для рыбной ловли.

Муми-папа стоял, глядя вниз на черные воды озера, а озеро смотрело на него своим большим глазом. Он смотал леску и положил свою трубку в шляпу. А потом зашагал к подветренной стороне острова.

Там могли водиться щуки, возможно, маленькие, но это хоть что-то, что можно принести домой.

У самого берега в лодке сидел рыболов с удочкой.

– Хорошее место для рыбалки? – спросил Муми-папа.

– Нет, – ответил рыболов.

Муми-папа сел на скалу, пытаясь придумать, что бы сказать. Он никогда не встречал никого, с кем так трудно было бы говорить. Все казалось таким неуклюжим и неловким!

– Я полагаю, здесь немного одиноко зимой, – рискнул он, но, конечно, не получил ответа. Он попробовал еще раз.

– Но раньше вас здесь было двое, конечно. Каким был зритель маяка?

Рыболов пробормотал что-то и беспокойно заерзал в лодке.

– Он был общительный? Много говорил о себе?

– Все они такие, – неожиданно отозвался рыболов. – Все они много говорят о себе. Он всегда говорил о себе. Но, наверное, я его не слушал. Я забыл.

– Как он сюда попал? – спросил Муми-папа. – Маяк погас до того, как он ушел, или после?

Рыболов пожал плечами и вытянул удочку. Крючок был пуст.

– Я забыл, – сказал он.

В отчаянии Муми-папа сделал еще одну попытку:

– Но чем он занимался целыми днями? Строил что-нибудь? Ловил рыбу?

Широким плавным движением рыболов забросил свою удочку, леска описала красивую дугу, расправилась и исчезла под водой.

Рыболов отвернулся и посмотрел в море.

Муми-папа поднялся и пошел. Почему-то это было облегчением – чувствовать себя таким сердитым. Он забросил свою удочку подальше, не заботясь о дистанции, которую должно соблюдать, когда один джентльмен рыбачит рядом с другим. У него клюнуло немедленно.

Муми-папа вытащил окуня весом в фунт. Он поднял большой шум по этому поводу, пыхтя и сопя, шлепая по воде, кидая окуня на камни, – все для того, чтобы как можно больше досадить рыболову. Он посмотрел на неподвижную серую фигуру, глядящую в море.

– Эта щука, наверное, весит около пяти фунтов! – сообщил он, пряча окуня за спиной. – Трудненко будет коптить!

Рыболов не сдвинулся ни на дюйм.

– Это проучит его! – бормотал Муми-папа. – Подумать только – бедный зритель маяка говорил и говорил о себе, а этот... этот маленький рачок даже не слушал. – И он зашагал к маяку, крепко сжимая окуня в лапе.

Малышка Мю сидела на ступеньках маяка, распевая одну из своих монотонных песен для дождливой погоды.

– Привет, – сказал Муми-папа. – Я злюсь.

– Хорошо! – одобрила Малышка Мю. – У тебя такой вид, будто ты сделал из кого-нибудь настоящего врага. Это всегда помогает.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Муми–папа бросил окуня на ступеньки.
– Где она? – спросил он.
– Копается в этом своем саду, – ответила Малышка Мю. – Я отдам ей рыбу.
Муми–папа кивнул и пошел к западной части острова. "Я буду рыбачить под самым носом у этого типа! Я выловлю всю рыбу до одной. Я им покажу..."

* * *

Истрепанные сети висели под лестницей в маяке и были позабыты. Муми–мама больше не упоминала о маленьких полочках и мебели, а пятно на потолке увеличивалось с каждым дождем. Люк оставался закрытым.

Муми–папу не заботило ничего, кроме рыбной ловли. Он на целый день уходил с удочкой и возвращался домой только поесть. Он отправлялся рано утром и никому не позволял сопровождать себя. Он больше не пытался вывести рыболова из себя: не интересно дразнить такого маленького человечка, да к тому же не желающего сердиться. В голове у Муми–папы была только одна мысль: добыть пищу для семьи. Свой улов он всегда клал на ступеньки маяка.

Если попадалась крупная рыба, он нес ее на берег и коптил. Он сидел перед печью, подбрасывая туда ветку за веткой, чтобы огонь горел ровно, потом осторожно перекладывал рыбу песком и камешками, собирал можжевеловые веточки и ольховые щепки, чтобы приготовить рыбу правильно. Остальные редко видели его. Ближе к вечеру он для разнообразия пробовал удить в черном озере, но там никогда не клевало.

Когда все садились вечером в кружок и пили чай, он не говорил ни о чем, кроме рыбы и рыбалки. Он не хвастался в своей обычной милой манере, а читал длинные лекции, которые Муми–мама выслушивала смущаясь и недоумевая и не очень много узнавая о крючках и ловле рыбы.

"Это не игра, это серьезно, – думала Муми–мама. – Я набила соленой рыбой все банки и емкости, которые у нас есть, а он все рыбачит. Конечно, здорово иметь много еды, но почему–то, когда ее было меньше, было веселее. Я думаю, это море расстраивает его и делает таким".

Муми–мама надевала изумрудный пояс каждый день – только для того, чтобы показать Муми–папе, как он ей нравится, хотя такие нарядные вещи носят только по воскресеньям. И это было слегка утомительно: кусочки стекла цеплялись абсолютно за все, а рис осыпался, если двигаться недостаточно осторожно.

Мумимамин новый сад был готов – сверкающий круг из водорослей у подножия скалы, на которой стоял маяк. Она выложила сад маленькими камешками, поскольку море отказывалось обеспечить ее ракушками. В центре были розовые кусты, привезенные из дома, они росли в земле, в которой приехали. Одна роза собралась расцвести, но было сомнительно, успеет ли она. Ведь давно уже наступил сентябрь.

Муми–мама часто мечтала о цветах, которые она посадит, когда опять придет весна. Она рисовала их на подоконнике северного окна. Каждый раз, когда она сидела, глядя из окна на море, она рассеянно рисовала цветок, думая о чем–то совсем другом. Иногда она удивлялась при виде собственных цветов: они будто выросли сами, но от этого они делались еще прекраснее.

Теперь, когда не было воробьев, место у окна стало одиноким. Они улетели на юг в ветреный, дождливый день, и никто этого не видел. Остров странно притих; Муми–мама привыкла к чириканию воробьев и их непрестанной болтовне по вечерам. Сейчас она видела только чаек с желтыми неподвижными глазами, проносившихся мимо окна, да слышала крики аистов, летевших на юг – далеко на юг.

Поскольку Муми–мама и Муми–папа думали о других вещах, неудивительно, что они не замечали, чем занимается Муми–тролль. Они ничего не знали о чаще и поляне, они понятия не имели, что каждую ночь после восхода луны Муми–тролль идет на берег со штормовым фонарем.

Что видела и думала Малышка Мю – не знал никто. Большую часть времени она следовала за рыболовом, но они едва ли когда–нибудь разговаривали. Они лишь терпели друг друга, довольные друг другом и взаимно независимые. Ни один из них не пытался понять другого или произвести впечатление на другого; а это тоже иногда доставляет удовольствие.

Так обстояли дела на острове в ту осеннюю ночь, когда вернулись морские лошади.

* * *

Идти на берег со штормовым фонарем было для Муми–тролля не внове. Муми–тролль привык к Морре; она и в самом деле была скорее надоедлива, чем опасна. Собственно, он не знал, ходит ли на берег ради нее или в надежде увидеть морских лошадей. Он просыпался сразу после восхода луны и просто не мог оставаться в постели.

Морра всегда была там. Она стояла в воде, следя за движениями штормового фонаря. Когда Муми–тролль гасил фонарь, она уплывала в темноту, не издавая ни звука, а он шел домой.

Но каждый раз она подходила чуть ближе. Сегодня она сидела на песке, ожидая.

Муми–тролль остановился у ольшаника и поставил фонарь на землю. Выйдя на берег, Морра нарушила ритуал. Это было неправильно. Ей нечего делать на острове, она представляла опасность для всего растущего здесь, для всего живого.

Как всегда, они стояли друг перед другом в молчании. Вдруг Морра отвела глаза от фонаря и посмотрела на Муми–тролля. Раньше этого не случалось. Глаза у нее были такие холодные, взгляд такой напряженный! Берег наполнился быстрыми тенями, когда луна спряталась за тучу и появилась опять.

Морские лошади проскакали галопом вдоль берега от мыса. Не обращая ни малейшего внимания на Морру, они гонялись друг за другом в лунном свете, бросая вверх радужные брызги и прыгая через них. Муми–тролль заметил, что одна из них потеряла подкову. У нее осталось только три. И ее одежду действительно украшали цветы, похожие на маргаритки, которые были мельче на ее шее и ногах. Или это были водяные лилии, что, наверное, еще поэтичнее. Она перепрыгнула через штормовой фонарь, и тот упал на песок.

– Ты портишь мой лунный свет! Мой лунный свет! – закричала маленькая морская лошадь.

– Прости, – сказал Муми–тролль, как можно быстрее выключая фонарь. – Я нашел твою подкову...

Морская лошадь остановилась и склонила голову набок.

– Боюсь, я отдал ее маме, – продолжал Муми–тролль.

Луна исчезла, стук копыт вернулся, и Муми–тролль услышал, что морская лошадь смеется.

– Вы слышали это? Вы это слышали? – закричали они друг другу. – Он отдал ее своей маме! Своей маме! Своей маме!

Они проскакали мимо, дотронувшись до него. Их гривы коснулись его мордочки, как мягкая шелковистая трава.

– Я могу попросить ее обратно! Я могу пойти и принести ее! – выкрикнул он в темноту.

Луна вышла опять. Он увидел, что морские лошади заходят в море, бок о бок, с развевающимися гривами. Они были похожи, как две капли воды. Одна из них повернула голову и крикнула: "В другую ночь..."

Муми–тролль сел на песок. Она заговорила с ним. Она обещала вернуться. Впереди еще много лунных ночей, если не будет облачно. И он не станет зажигать штормовой фонарь.

Он внезапно почувствовал, что у него мерзнет хвост. Он сидел на том самом месте, где только что была Морра.

* * *

На следующую ночь он пошел на берег и не взял с собой штормовой фонарь. Луна убывала. Инстинкт подсказывал ему: скоро морские лошади уйдут играть куда–нибудь в другое место.

Муми–тролль принес с собой серебряную подкову. Получить ее назад было нелегко. Он краснел и вел себя ужасно неловко. Муми–мама сняла подкову с гвоздя, не спрашивая, почему он берет ее.

– Я почистила ее порошком, – сказала она. – Смотри, как хорошо вышло.

Она произнесла это вполне обычным тоном, только это и ничего более.

Муми–тролль пробормотал что–то о подарке взамен и удалился, поджав хвост. Он не мог рассказать о морских лошадях, просто не мог. Если бы ему только удалось найти какие–нибудь ракушки! Она бы, конечно, предпочла ракушки серебряной подкове. Для морской лошади было бы проще просто принести несколько самых больших и красивых со дна моря. Если, конечно, морских лошадей волнуют чужие мамы. Возможно, лучше и не просить.

Они не пришли.

Луна зашла, а морские лошади так и не появились. Ну да, она ведь сказала "в другую ночь", а не "завтра ночью". Муми–тролль сидел, играя песком, ему хотелось спать.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И, конечно, явилась Морра. Она пришла по воде в своем холодном облаке, как чья-то больная совесть, и вылезла на берег.

Муми-тролль вдруг ужасно рассердился.

Он отступил к ольховым кустам и закричал:

– У меня нет фонаря! Я не собираюсь больше зажигать его для тебя! Ты не должна приходить сюда – остров принадлежит моему папе!

– Он отходил от нее спиной вперед, а потом повернулся и побежал. Осины вокруг трепетали и шуршали, как будто надвигался шторм. Они знали, что Морра на острове.

Очутившись в постели, он услышал ее вой, и ему показалось, что Морра гораздо ближе, чем раньше. "Надеюсь, она не придет сюда, – думал он. – До тех пор, пока остальные не узнают, что она здесь. Она завывает, как туманная сирена... Я знаю кое-кого, кто скажет, что я дурак, и это хуже всего".

* * *

На краю чащи под низкорастущей веткой сидела Малышка Мю и прислушивалась. Она поплотнее заворачивалась в мох и задумчиво насвистывала. "Да, теперь он встрял в хорошенькую переделку. Вот что получается, если возиться с Моррой и воображать, что можно дружить с морскими лошадьми".

Тут она вдруг вспомнила муравьев и громко, от души засмеялась.